Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Цена 15 коп.
МОСКВА,
ФЕВРАЛЬ 1927 г.

КРОКОДИЛ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

№ 5

Рис. К. Елисеева

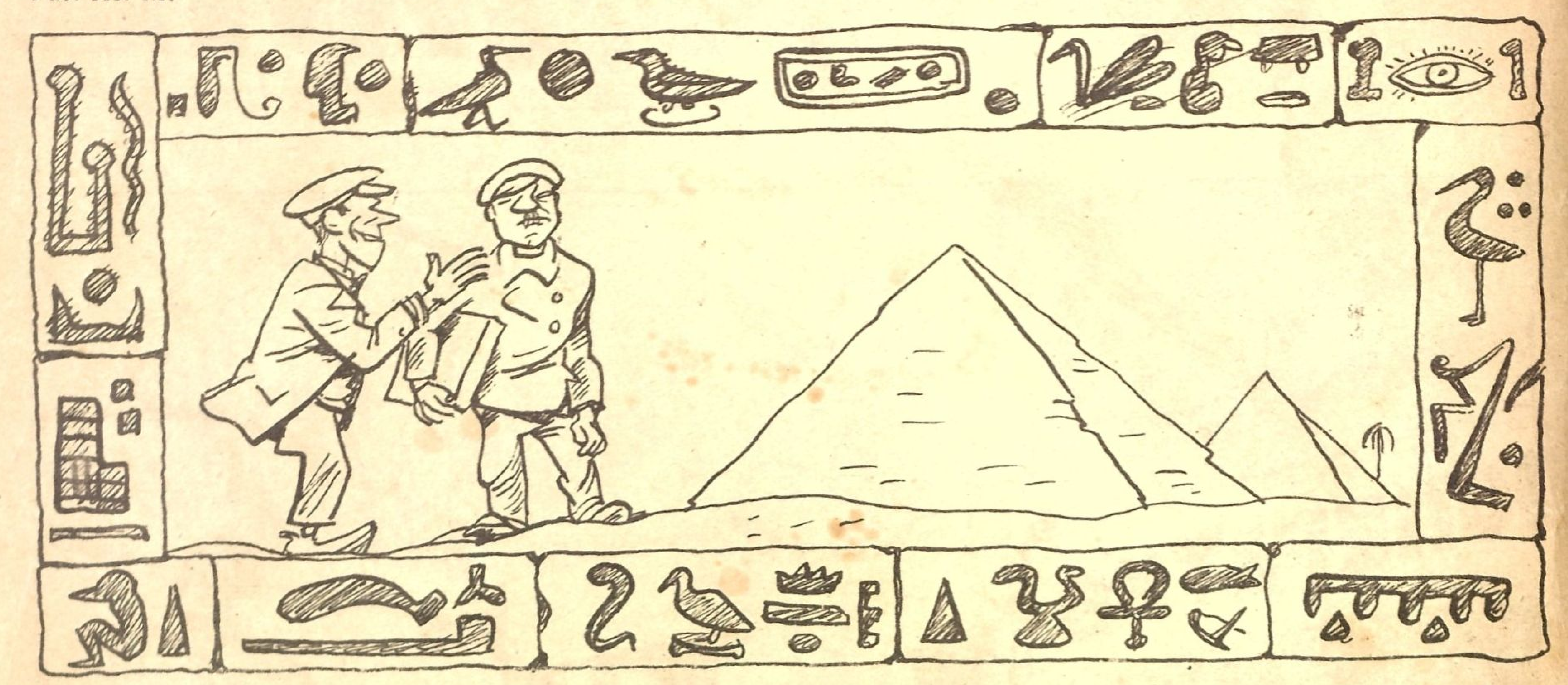
НЕ-ВАЖНАЯ ПТИЦА

— Вот поди-ж ты! Глупая птица, а умней другого делопроизводителя! Безо вся
ответ на запрос. И всего за пятак!

КАЗНЬ ЕГИПЕТСКАЯ

Рис. Ив. М.

Если бы в наше время люди писали на камнях, как древние египтяне, то этих пирамид нам не хватило бы на переписку об одной справке.

ПОБЕДА НА ФРОНТЕ

Павел Хлопов, великовозрастный комсомолец, провел свой очередной трудовой день, как надо: утром прочитал газету, затем отработал шесть часов на предприятии, затем позанимался в политкружке. После этого ему чего-то захотелось.

Захотеться девятнадцатилетнему парню могло—мало ли чего: выкинуть, например, дикое хулиганство, или выпить полбутылки водки, или, наконец, погрузиться в половой разврат. Но, к удивлению читателей, ничего подобного у Павла Хлопова и в мыслях не было. Захотелось же ему, чудаку, вот чего:

— Книжечку бы хорошую почитать на ночь... Только не про политику и не про успехи, а про жизнь, про любовь и про всякие, вообще, чувства. Что-нибудь вроде бы «Войны и Мира» Толстого, но не такое толстое и посовременней. Вообще, конечно,—беллетристику.

С этими мыслями и намерениями Павел Хлопов пошел в клубную библиотеку и высказал их, в популярной форме, библиотекарю.

Библиотекарь покачал головою и сказал:

— Даже удивляюсь, товарищ! Приходит сознательная коммунистическая молодежь—и чем же интересуется? Хорошая политическая брошюра лежит без движения, а спрашивают всякую беллетристическую белиберду на буржуазной закваске. Позорное, товарищ, явление!

— Мне не надо белиберды на закваске,—робко возразил Павел Хлопов. — Мне хорошую дайте книжку, нашу, но только беллетристическую, и чтоб тоже про любовь в ней было, и про жизнь вообще...

— Хм, «нашу»!..—сказал библиотекарь.—Нам, товарищ, не до того, чтобы тратить время на писание подобных книжек или интересоваться, вообще, любвями и чувствами. Эти погремушки мы предоставляем мелкобуржуазной размазне, а нам не до этого. Лично же я посоветовал бы вам взять лучше вот эту брошюру о крестьянском вопросе в Румынии. По крайней мере, не зря потратите время!

Но Павла Хлопова тянуло на беллетристику и на погремушки. И Павел Хлопов вдохновенно соврал:

— Видите ли, товарищ... Книжка, собственно, не мне нужна: когда ж мне читать? А я, собственно, для сестры беру, для домашней хозяйки: она просила, чтоб беллетристику обязательно.

— Хм...—сказал библиотекарь.—Для сестры я, тем более, посоветовал бы вам что-нибудь о раскрепощении женщин или об обобществленном питании. Конечно, я не имею права навязы[illegible]но...

Тут библиотекаря тоже осенила гениальная мысль. Он развел руками, вздохнул и тоже соврал:

— Дело в том, товарищ, что у нас теперь новое правило: выдаются две книги, при чем одна из них — обязательно научно-политического содержания. Только при этом условии другая может быть и беллетристической.

— Что ж, ладно!—согласился Павел Хлопов.—Тогда я возьму вот эту брошюру, которую вы рекомендуете, а другую—какую-нибудь ерунду из беллетристики. Я бы, конечно, обе научные взял, но сестра...

Инцидент был исчерпан. И можно было бы закончить на этом рассказ, но читатели, пожалуй, недоумевают:

— А где же победа? И на каком фронте?

Ну, фронт-то, конечно,—культурный. А о победе рассказал библиотекарь, делая, месяца через два после инцидента, доклад правлению клуба.

— Видите ли,—говорил библиотекарь,—дело у нас, подчеркиваю, обстояло не совсем благополучно. Серьезная политическая литература лежала почти без движения, а спрос на бесполезную беллетристику возрастал с каждым днем. Тогда я, по собственной инициативе, ввел такое правило: беллетристика выдается лишь в том случае, если одновременно берется и научно-политическая книга, рекомендуемая мною. И что же мы видим? Через месяц такой практики спрос на политическую и экономическую книгу сравнялся со спросом на беллетристику...

Рассказав об этом достижении, библиотекарь радостно улыбнулся и добавил:

— Мало того, что увеличился спрос и увеличилась читаемость серьезной и полезной книги... Чрезвычайно важно отметить еще и такой факт: беллетристика нередко возвращается в потрепанном, измятом виде, с пометками, со следами от пальцев, книга же научно-политическая—всегда в полной чистоте, без всяких следов небрежного обращения. Из этого явствует, что к научно-политической книге читатель научился относиться с уважением, относиться бережно, в результате чего возвращает ее такою же чистою и новенькою, какою получает из библиотеки. Вот этот отрадный факт лучше всех остальных свидетельствует о действительной победе на культурном фронте!

Докладчика наградили аплодисментами.

Грамен.

ТЯЖЕЛАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

— Послушай, нет ли у тебя на примете бухгалтера хорошего?
— Зачем тебе? Ведь, у тебя и одному-то делать нечего!
— Что же я могу сделать, раз по штатам полагается?!.

Г.

ДВА ЛИЦА

Иван Кузьмич Чирков—один, но имеет два лица. Собственно, лиц у него, может быть, и больше, но твердых, постоянных, стандартированных—два. Иван Кузьмич Чирков на службе—одно лицо и тот же Иван Кузьмич Чирков дома—другое лицо.

На службе Иван Кузьмич—почти коммунист, он широко интересуется общественной жизнью. Он—пишет в стенной газете. Он—состоит членом месткома. И на месткомовских заседаниях он с вдохновенным лицом, полный гнева, громит протекционизм:

— Опять в общий отдел приняли какую-то фитюльку! Без биржи, без ничего! Сокращают старых, ценных работников—и принимают чорт-те кого! Надо поставить администрации на вид! Надо такие безобразия прекратить! Нельзя сидеть и хлопать глазами. Мы—местком, и должны твердо напомнить администрации про ее обязанности. Да-с!

И. Ивану Кузьмичу даже аплодируют:

— Молодец, Чирков! Как бритвой режет!..

Дома в одной жилетке и мягких войлочных туфлях, сидя за дымящимся самоваром, Иван Кузьмич со смаком облизывает ложечку с малиновым вареньем, прихлебывая чай из блюдечка с каким-то княжеским вензелем (куплено на аукционе). И, обсосав усы, улыбается жене довольной улыбкой:

— А знаешь, Кавочка, я все-таки Оленьку-то втер. Помнишь, я третьего дня был в гостях у Сергея Семеныча? Ну, так вот... Сергей Семеныч дал записочку к Николаю Алексеевичу. Ну, тот и устроил. А уж я боялся, что не выйдет! Теперь, ведь, с этим такие строгости!

И жена сочувственно вздыхает:

— Да уж... До чего дожили—по запискам-то и то никак не устроишься. Беда!

А Иван Кузьмич недоуменно пожимает плечами:

— Жмут со всех сторон. Месткомы всякие, завкомы—попробуй-ка их перепрыгни! И не знаю, до чего все это дойдет!

На службе Иван Кузьмич в свободную минуту не прочь поболтать с сослуживцами о режиме экономии:

— Вот, сократили у нас тридцать процентов народу,—и что же? Только лучше работа пошла! А еще немножко подсократить—и вовсе хорошо будет. Вообще, что там ни говорите,—а режим экономии—прекрасная вещь! С одной стороны—каждый гражданин узнал цену трудовой копеечке, приучился быть настоящим хозяином-скопидомом, а с другой—государству польза. Государство становится на ноги, государство богатеет. А государство—это мы! Режим экономии—чу-удесная штука!

Дома, в тепло натопленной спальне, собираясь юркнуть под одеяло и, почесывая волосатую грудь, Иван Кузьмич говорит жене с томным вздохом:

— Ох-хо-хо! Опять сокращение какое-то придумывают! Хорошо еще, что я в месткоме — все-таки зацепка, а то давно бы помели. Режим экономии! Кому он нужен этот, ихний режим? Деньги—задерживают, все без копейки ходят, работы вдвое прибавилось. Говорят—государство богатеет! А что мне государство? Детей я у него крестил, что ли? Ты подай мне мои кровные, ты скажи, какая мне польза от этого дурацкого режима? А пользы никакой, кроме вреда!

На службе Иван Кузьмич Чирков пишет в стенгазете под псевдонимом «Чирий»:

ДОЛОЙ ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО

До сих пор многие наши служащие справляют так называемые праздники. Справить праздник—это значит по-скотски напиться, набезобразить, отравить свой организм алкоголем. Вместо разумных развлечений—на таких праздниках процветает картежная игра. И на утро человек встает с тяжелой головой; разбитый, без денег, не выспавшийся и злой. Это у нас называют —«отдыхать».

Неужели нельзя придумать более разумного и культурного отдыха? Ведь, есть же различный спорт, как-то: лыжи, коньки и проч. Есть клубы, лекции, доклады, театры и проч. Но, очевидно, наши сотрудники этого не замечают. Дать бы им очки.

Чирий».

Дома в день жениных именин или просто в воскресенье Иван Кузьмич настойчиво уговаривает гостей:

— Ну-ка, Сергей Семеныч, не задерживай! Без троицы дом не строится, без четырех углов—дом не стоит, выпьешь по пятой—будешь богатый! Пей! Водочка, можно сказать, самое культурное развлечение! Веселей и пользительней водочки ничего не придумаешь. Все эти дурацкие лекции, доклады, концерты—это, брат, разве отдых? Вот когда так, по двенадцатой пройдешься—это я понимаю. Это, действительно, праздником пахнет. А то выдумали — клубы! Да мы сейчас вот стол очистим да свой клуб устроим. Вы как, Николай Александрович —в винтик или в железочку? Ох, плутишка, вижу, что в железочку, не даром вы к железнодорожному ведомству касательство имеете. Да вы что на часы смотрите? Раньше четырех я вас все равно не отпущу. А боитесь итти — на диване у меня заночуете. Диван мя-а-гкий! Ну! Еще по одной вонзим во славу Госспирта!

На службе Иван Кузьмич с печальным упреком замечает сослуживцу Карякину:

— Вот вы с курьером «на ты» разговариваете. Он хотя и мальчишка, — а нехорошо! Надо его воспитывать, чувство собственного достоинства в нем пробуждать. А вы его намедни «балдой» назвали. Правда, в шутку,—а все-таки нехорошо! Я говорю вам не как член месткома, а просто по-товарищески. Нехорошо!

Карякин краснеет.

А дома Иван Кузьмич топает ногами на прислуживающую девчонку Аришу:

— Ты, стерва, не зазнавайся! Если тебя кормят—поят, одевают, обувают—так ты понимать должна! А то, ишь какие слова произносит —союз! Да если ты мне еще раз возражать будешь,—я тебя в два счета на улицу выставлю! Подыхай там с голоду! Думаешь, мало вас таких? На твое место двести штук найдутся. Всякая мразь еще с возражениями лезет! Сознательная гражданка—скажите, пожалуйства! Ну! Марш на кухню!

* *

Иван Кузьмич Чирков—не одинок. Чирковых—много, может быть, больше, чем мы думаем.

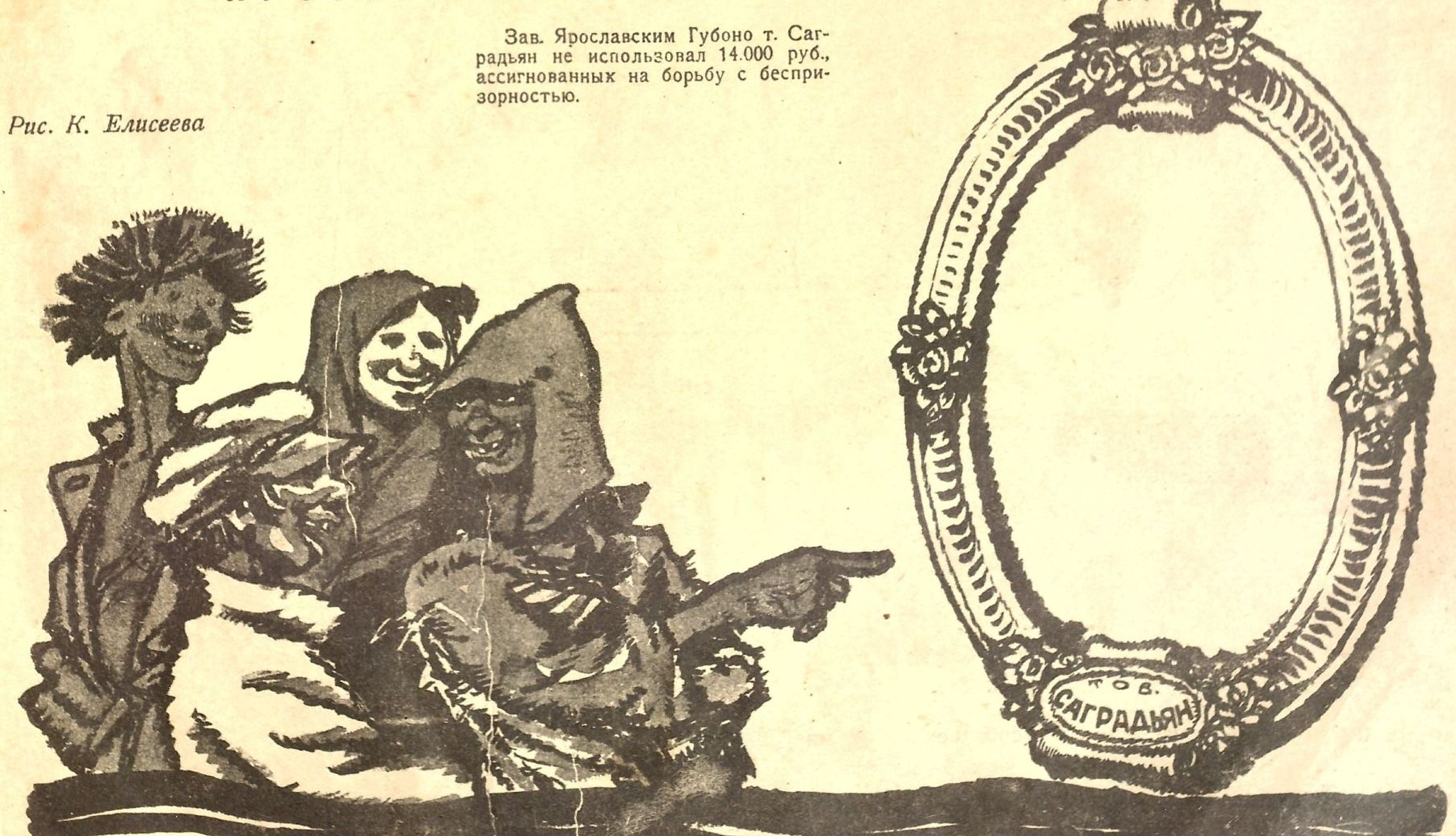
И у каждого подлеца—два лица.

Вас. Лебедев-Кумач.

ПУСТОЕ МЕСТО

Зав. Ярославским Губоно т. Саградьян не использовал 14.000 руб., ассигнованных на борьбу с беспризорностью.

Рис. К. Елисеева

— Почему в раме нет портрета тов. Саградьяна?
— А, должно быть, его еще НЕ СНЯЛИ.

Рис. Ю. Ганфа

СУЩЕСТВЕННАЯ ПОПРАВКА
или
СМЕТЛИВЫЙ НАРОД

— Очень велика смета! На такую пустяковую постройку — и вдруг 275.000 рублей!
— Хорошо-с, можно убавить. Зачеркнем 2 тесины и 1 фунт гвоздей.
— Но это же мало!
— Ну, хорошо — зачеркнем тогда 4 тесины и 2 фунта гвоздей!
— А-а! Вот это другое дело!

Рис. К. Ротова

ПЬЯНЫЙ:—Э-эх! Люблю я праздничкн! По крайней мере, на автомобиле накатаешься досыта!

НАУКА

Вороватый нынче народ пошел. Слов нет. Особенно нашего брата-мужика ни к чему подпустить нельзя. Ты самое что ни на есть дерьмо без присмотра оставь — он и дерьмо возьмет:

— В хозяйстве, мол, пригодится.

Вор — народ... Многие говорят: оттого это, что суды слабые. А я не скажу этого — суды, как и должно быть. Нельзя же, в самом деле, всех в исправдом сажать — кто-то, ведь, и работать должен? Тут не в судах дело, а единственно разве в том, что в нашем народе никакого понятия ни об чем нет.

Все, по-моему, от недостатка культуры.

* * *

Стою я как-то у ворот, к телеге новое колесо прилаживаю. Дело зимнее, а известно, с зимы не приготовь, весной и выехать не на чем будет. Стою, работаю—Тимоха Карякин бежит.

— Эй, Митрий, идем! В совхоз какую-то штуковину приволокли.

Я телегу бросил—бегом. Даже спросить не успел—что за штуковина такая. Одно понятно—для баловства никакую штуку в совхоз не привезут, а ежели привезли что, значит для науки. А для науки отчего ж и не посмотреть?

Прибегаем с Тимохой,—а там уж толпа у ворот. Сторожа упрашивают:

— Пропусти, Егор Ефимыч...

— Не велено! Еще сопрете что...

Я тут обиделся:

— Как же так,—говорю,—сопрем? Какое ты право имеешь такие слова говорить? Что ты, у барина, что ли, служишь? Вытряхнем, кричу, из тебя барскую закваску!..

Народ, понятно, весь за меня. Заведующий на шум пришел. Мы к нему:

— Пропусти, Антон Евграфыч... Для науки мы...

— Знаю, говорит, вашу науку... Пустишь, а потом чего-нибудь и хватишься.

— Да что ты, Антон Евграфыч... Разве-ж мы не понимаем...

Уговорили. Впустил.

Действительно, видим — наука! Всех коров со двора на воздух повыгнали, а работник с какой-то машинкой вокруг каждой коровы ходит и чем-то опрыскивает.

Заведующий об'ясняет:

— Ну, вот, граждане,—машинка эта называется пульверизатор...

— Цыкалка, по-нашему,—говорю.

— Все равно, пусть и цыкалка! Только на скотине, бывает, заводится червь, а мы этого червя таким манером выводим... Поняли?

— Поняли,—Тимоха Карякин говорит:—у самих скотина от червя мается!—а сам, вижу, бочком, бочком да к сараю протискивается. Не мое дело—молчу.

— А вот жидкость эта называется раствор мышьяка. Мышьяк—страшный яд, от одной ложки человек дохнет, а много ли его для червя надо?

— Ишь ты, ведь, как,—говорит Андрюха Косой.—Придумают то же! А сам—смотрю—тоже бочком бочком, да к сараю.

— Ученые люди—они дойдут—парень один говорит—и тоже, вижу,—к сараю. А я не пошел. Зачем мне? Сопрут что, а я—отвечай!

— Какой, спрашиваю, этот мышьяк из себя будет?

Заведующий выносит пакет, а я к нему. Руку в пакет сую. Заведующий мне:

— Чего вы руками-то лезете,—не видите разве?

— Как же,—говорю,—можно на глаз такую штуку понять? Русскому человеку пощупать надо...

Пощупал и отошел—другим надо место уступить.

Тимоха подскакивает:

— Что там такое?

— Ты бы,—говорю,—в сарае дольше торчал. Чего достал-то?

— Семечки,—говорит. Хочешь?

— Куда их! Мне чужого добра не надо...

— Не хочешь, и сам с'ем... А там что показывают? Порошок? Дай-ка и я посмотрю...

Андрюха из сарая явился—тоже с семечками. Парень пришел—тоже, гляжу, все карманы отвисли.

Мне-то что? Я свое дело знаю,—с заведующим разговариваю:

— Мышьяк-то,—говорю,—это очень хорошо. Пользительно. Только где нам такую цыкалку достать?

— У фельдшера попросите. Даст. И я бы дал—да, ведь, зажилите...

— Как же это так,—говорю... Не воры мы!..

— То-то ж,—отвечает,—не воры—пришли будто бы без семечек, а теперь, гляжу, все семечки лускают...

Смотрю, а у всех уже семечки. Когда только успели!

— Без понятия,—говорю,—народ. Оттого и лускает.

Выходим за ворота — и пошло хвастовство. Какие тут семечки!..

— Я—Тимоха кричит—вон какую загогулину достал. Смотрите!

Гляжу—у него в руках железина, вроде как дверная ручка.

— А на что,—говорю,—тебе?

— Людям была нужна и мне пригодится.

Андрюха Косой какую-то машинку в сарае нашел. Цельная машинка, непорченная, только не поймешь, к чему она нужна.

— Зря валялась, а мне по хозяйству пригодится!

Парень говорит:

— А у меня семечек полный карман!

— Что там семечки? Семечки-то у всех есть.

А я молчу. Зачем мне хвастаться. Нечем хвастаться, коли чужое добро украли. Непоздоровится от этого. Оно так и вышло.

Только к деревне подошли,—бабы навстречу:

— Чего принесли? Что там такое?

Да как расхохочутся. Да на Тимоху:

— Что это у тебя, Тимофей? Губы-то!..

Смотрю—а у него губы так раздуло,—и носа не видать! На Андрюху смотрю—и у того то же. У всех...

— С чего бы это такое?.. Откуда?

Известно, без понятия народ. А я понял и говорю:

— Семечки-то, небось, ели? А рука-то в чем? В мышьяке!

Тут только и раскусили. Семечки на землю и ругаться:

— Ну, и совхоз! К ним идешь за наукой—а они этакое...

— Совхоз,—говорю,—не при чем. Сами виноваты. А наука вам уже есть: на чужое добро не зарься.

Тоже, действительно. Не видали сроду—семечки. На такое дерьмо позарились! Тьфу! И еще про них же скажут: жулик—народ.

А они просто—без понятия. Что в них толку-то—в семечках? Уж если брать что—так мышьяк надо было брать. За ним, небось, в город ехать надо. Его, небось, еще нашему брату и не продадут. Кто поумнее, да с понятием, тот так бы и сделал: на мышьяк бы внимание обратил.

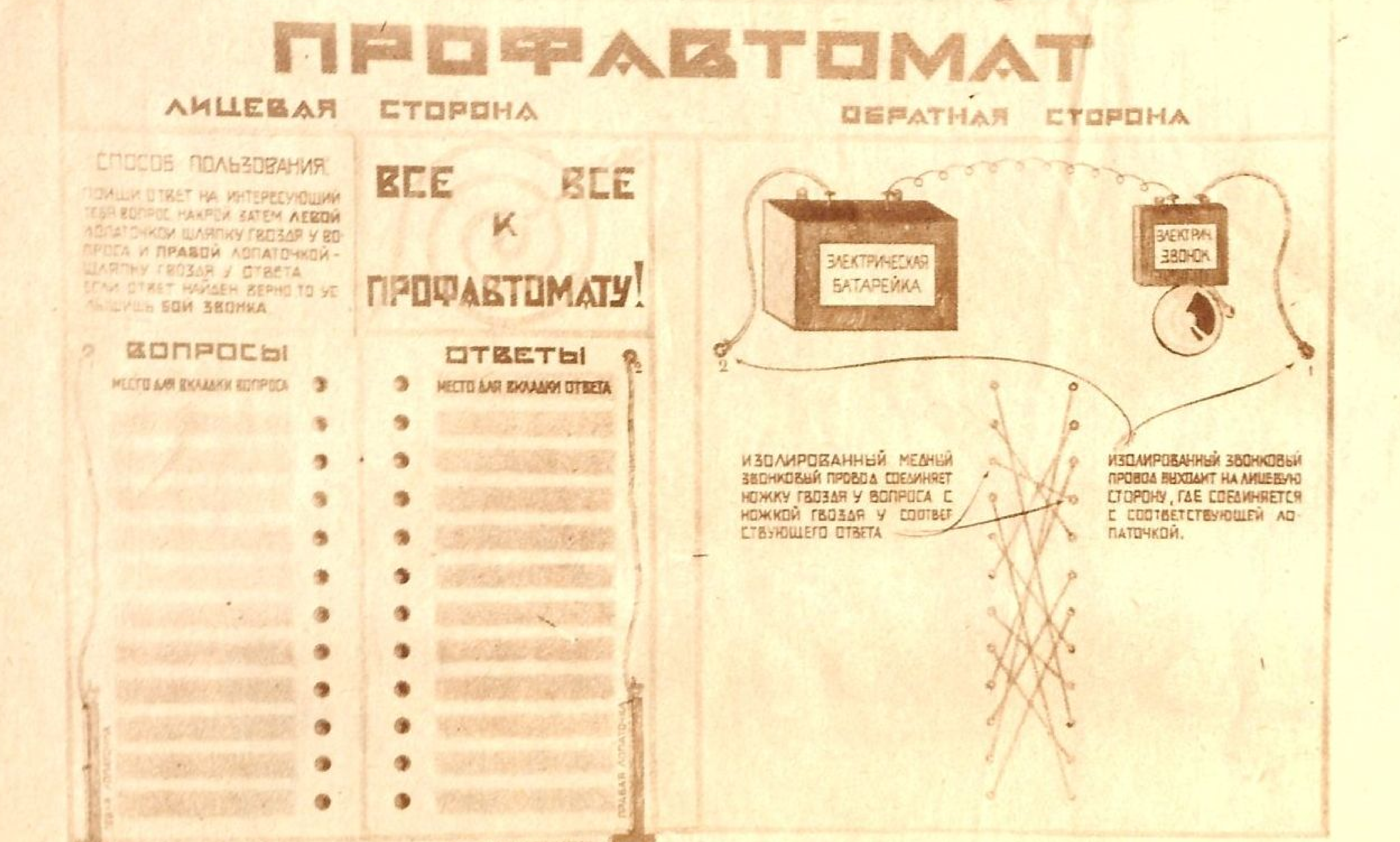
Вот я, например. Я, конечно, молчал, а все-таки две горсточки мышьяку взял на пробу. Для науки, понятно. Хочу посмотреть, хорошо ли эта штука против червя может действовать.

А они набросились—семечки!

Все это, по-моему, от недостатка культуры.

Мих. Козырев.

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

ПРОФАВТОМАТ—изобретение культотдела ЦК союза работников просвещения. „Крокодил", в целях дальнейшей автоматизации профработы, предлагает приделать к профавтомату копилку с надписью: —„Прием членских взносов". После этого можно будет профавтоматом вполне заменить не только культотдел, но и ЦК союза Рабпрос.

КРЕПОСТЬ

Клубы, как это хорошо всем известно, являются местом культурного отдыха во всесоюзном масштабе, и наш красный клуб «имени всех, которые боролись»,—тоже есть таковое место.

Но в этом месте как раз нету для нас местов. И что-же получается?

Получается, между прочим, так, что, пришедши вечерком к месту клуба, созерцаешь полный мрак за окошками вплоть до входных дверей. А снаружи—железный замок и анонсы на бумаге с таким об'явлением:

— «Об'является, по случаю, что сегодня выходной день для администрации клуба, то входа отнюдь не будет и просьба зря в запертые двери не ломиться, потому что все равно—безрезультатно».

И—точка.

Вспомнишь тут, конечно, в обратном смысле общество—«долой ругань» и даешь задний ход, потому что, раз коль скоро «безрезультатно», то об чем еще толковать?

Уходишь и приходишь в то самое место вечерком другого дня.

Но тут, несмотря на поразительный свет в окошках и звуки вальсов неземные, опять — входное препятствие. Нет впуску.

И милиция—по всей лестнице. И милиция—на площадке. И милиция—во всех секциях и в зрительном зале.

А меня пихает распорядитель горсточкой в грудку и выпроваживает в том же направлении, откуда я пришел.

Пячусь я, конечно, но ничего не понимаю. Что такое? Почему столько милиции? Откуда? Зачем? Уж не проворовалась ли наша клубная касса, уж не заплакали ли наши членские денежки?

И даже спрашиваю об этом самом распорядителя.

— Нет,—говорит,—не заплакали ваши членские денежки, а можно сказать—даже посмеиваются. И можете,—говорит,—нынче благородно уходить и завтра тоже не появляйтесь, потому что два дня нашего клуба уже любезно и безвозмездно сданы вперед красной районной милиции. Борется она, как никак, с общественной тишиной и, не покладая рук, охраняет завоевания Октября в красном нашем клубе. Так пущай же и она получает культурные развлечения!

— Пущай,—говорю,—раз у вас такое с нами обращение. Что ж поделаешь. Спасибо и за это. А пока—адье до следующей возможности!

Через два дня в третий опять причаливаю к красному нашему клубу «имени всех, которые боролись».

Опять входные двери—настежь, а входа—нет И заступает мне дорогу пожарная личность в каске, с заявлением:

— Воротите, гражданин, обратно!

— Никак пожар?—спрашиваю удивленно.

— Нет, говорит, не пожар!

— Тогда дозвольте мне взойтить в середку, как члену данного клуба!

— Маловажно, говорит, что вы данный член клуба. Сегодня, говорит, вечер пожарников, и вы здесь отнюдь посторонние!

— Да, клуб-то, говорю, ведь—наш, «имени всех, которые»...

— Завтра будет ваш, а сегодня он наш. Под концессией!

Ухожу ни с чем и прихожу на завтра. Только подхожу к дверям. А во входе мне вдруг—тык:

— Ваш билетик, гражданин?

— Что еще такое? Какой билетик?

— А такой что—читайте афишу!

Читаю я афишу:

«Грандиозный галла-вечер добровольных обществ «Мопр—Авиахиму» с участием красного коллектива Синей Блузы. Билеты от одного рубля и подороже. За калоши мужские и дамские платить дополнительно. Членские билеты недействительны».

Вот так-так—недействительны! Что же поделаешь?

Нащупал у себя в кармане все шесть гривен и спрашиваю:

— А подешевше каких билетов не будет?

— Нет, говорят, подешевше не будет. Остались только от двух рублей и повыше. Возьмете? Я отвечаю коротенько.

— Так-с! Очень вами благодарны за общую доступность!

Плюнул мимо урны и беру прямолинейное направление на пивную государственных заводов.

Захожу туда, но местов тоже никаких для меня не предвидится. Полно—кругом. Все места нашим же братом засиживаются, потому что в клубах, как видимо, для нас совсем нету местов; и неприступно, как крепость.

Что же поделаешь?

И вот посиживаю я, как какой-нибудь кустарь-одиночка, на своей жилплощади, пью с обидой моей горечи нашу горькую водку и закусаю соленым, как слезка, огурчиком. Один развлекаюсь как какой-нибудь кустарь-одиночка...

А между прочим, извиняюсь, какой же я кустарь-одиночка, если я—рабочий Гос-чуг-лит завода «имени красных борцов в международном масштабе?!».

Л. Митницкий.

Рис. К. Хомзе **ПОБЕДИЛИ ЧАЕВЫЕ**

— Ну, как у вас борьба с чаевыми? Кончилась?
— Кончилась. Раньше, действительно, некоторые давали на чай. А теперь—все дают.

БОРЬБА С ХУЛИГАНСТВОМ

В селе Людиновке, Брянской губ., Фокинского округа, существует клуб, в котором имеется комната отдыха и правления.

I.

Случилось, что один местный парень, лет, примерно, 25-ти, зашел в комнату отдыха при Людиновском клубе, и по пьяному делу нахулиганил. Время сейчас серьезное—хулиганов по головке не гладят. Собралось правление клуба и ну судить-рядить: как быть? Совещались долго и постановили: вывесить на дверях комнаты отдыха плакат: **«Вход разрешен только достигшим 28-ми лет».**

Ребята, не достигшие 28-ми лет, глядели на плакат, чесали затылки, но нарушить постановления не решились и в заветную комнату не вошли.

II.

Как-то во единую из суббот ввалился в комнату отдыха некий гражданин с расслабленными вследствие получки жалованья ногами, на вид лет 45-ти, и... нахулиганил. Вновь посовещалось правление клуба и постановило: заклеить на плакате цифру 28 и на ее место наклеить 50.

III.

Но и тут грех вышел.

Нашелся в Людиновке гражданин 60-ти лет. Выпил он где-то на именинах и зашел, на грех, в клуб. Трезвый он туда не пошел бы, а тут пошел и прямо в комнату отдыха. Прочел с трудом плакат и заявил:

— Мне 60 лет. Значит, я в полном праве.

Вошел в комнату и... нахулиганил.

IV.

Правление клуба поахало, посовещалось и запретило вход в комнату отдыха всем, не достигшим 150 лет от роду.

Затем добавило:

— А также и в самый клуб.

Клубное хулиганство прекратилось.

Б.

ПРИМ. РЕДАКЦИИ «КРОКОДИЛА». В этой истории соответствует истине только часть 1, остальное же—вымышлено. Но, так как часть 1—непреложный факт, то вполне логично могло произойти и все остальное.

А правлению Людиновского клуба следовало бы выдать какую-нибудь премию за гениально простое разрешение вопроса о борьбе с хулиганством. Надо поощрять изобретателей.

ДОЗВОЛЕННЫЕ МЫСЛИ

Дурак считается таковым только тогда, когда у него нет протекции.

★

Иному заведующему мало автомобиля: он еще выезжает на своих подчиненных.

★

Самый неприятный недостаток — недостаток успокоительных оправданий для недостатков.

★

Если тебе нужно составить смету, — поручи это дело сотрудникам сметливым.

ЛЕГКИЙ НАРОД

Рис. Ив. Малютина

— Нагадала мне, что разойдусь с женой, а вот с которой?—я и не спросил. Ну, да это не важно!

БЫВАЕТ...

В том, что подрядчик, строивший «рабочий городок»—ворует, ни у кого сомнений не было, ибо воровал он нагло, у всех на глазах и настолько внимательно, что о пригодности «городка» для жилья не могло быть и речи. Но...

Но подрядчик был братом жены старшего бухгалтера заводоуправления, старший же бухгалтер был двоюродным братом жены помощника управляющего заводом, на сестре которого был женат управляющий. Небольшая, но теплая семейка по каким-то странным стечениям обстоятельств была забыта на многие годы ревизиями не только центра, но и округа, устроилась поэтому крепко.

Конечно, завком мог бы обратить внимание на семейные обстоятельства, но... предзавкома был родным братом жены счетовода, а сам счетовод был племянником главбуха. Вот тут и разберись!

Сергей Кодинцев ни разу не писал в газеты, но читал их, постоянно выписывал и местную, и центральную, с особым удовольствием смотрел отдел «Газета помогла» и рабкоровские корреспонденции.

Рабочие волновались, шумели, ругались, — подрядчик воровал. Кодинцев обратился в кружок рабкоров:

— Ребята, вы бы написали. Ревизии бы потребовать, или как там газета скажет. Что-ж это делается-то?

Но ребята отмахивались. На брань же рабочих отвечали перечислением родословной заводоуправления то по материнской линии, то по фактической.

Когда Кодинцев решил написать сам, —жена отговаривала, старик-тесть ругательски-ругался, теща ревела белугой:

— Писатель тоже нашелся! Работать надоело, жену кормить не хочешь, опять родителям на шею сядешь, голодранец несчастный...

Кодинцев отмалчивался, пока было можно, отругивался, когда было нужно, но, поддержанный товарищами по мастерской, написал и отправил. Все написал: и про воровство, и про кумовство, и про завком...

В семье Кодинцева наступили черные дни, — брань, попреки, слезы, страхи, охи и ахи, ожидание увольнения или другой кары от заводоуправления,—все это тянулось уже целую неделю, две... Кодинцев набрасывался на газету и по требованию семьи, читал ее вслух, разыскивая свою заметку, с которой он связывал участь завода и свою собственную. Заметки не было.

. . . .

Секретарь редакции прочитал начало заметки, где говорилось о воровстве на постройке, тихо разорвал и бросил в корзину. Потянулся за другой рабкоровской заметкой, но передумал, полез в карман за портсигаром и закурил. Пустив красивое кольцо дыма, сказал замредактору:

— Вот вы все говорите — «рабкоры, рабкоры»! А до чего в массе отсталая публика!—мы уже две недели, как с бюрократизмом боремся, а они все про режим экономии волынку тянут!

Замредактора едва ли слышал заявление секретаря,—он спешно писал передовую про «руки прочь от Литвы» и ограничился ответом:

— Бывает...

Вл. Павлов.

Рис. К. Елисеева

ЗАГВОЗДКА

— Фунт хлеба стоит 8 копеек. Сколько стоят десять фунтов?
— Рубль двадцать копеек.
— Почему?
— А там в десяти фунтах никак уж не меньше, чем на 40 копеек гвоздей будет. А то и больше.

ИНИЦИАТИВА

(Сказочка для бородатых детей.)

Жил-был в одном учреждении директор. В учреждении было много отделов. В каждом отделе было по одному заву. Директор как-то сидит у себя в кабинете и вслух рассуждает:

— Все у меня завы хорошие, только один никуда не годится—Охлестышев.

А Охлестышев стоит у дверей, подслушивает.

«Те-те-те,—думает,—что же он про меня так рассуждает? Я, кажется, и исполнительный, я, кажется, и дело свое знаю, я, кажется, голову расшибу, а директору угожу... Что ж это такое?»

А директор дальше про себя рассуждает:

—Всем,—говорит,—хорош Охлестышев, только малодеятельный. А самое главное—нет в нем никакой инициативы. Бюрократ просто. Старый режим. А нам инициатива нужна.

Пошел Охлестышев в свой отдел и задумался. Грустно ему очень стало. Тоска заела. Видит — сидят в его отделе машинистки и регистраторы, курьерша топчется, секретарь вертится. И рожи у всех у них такие противные. Смотреть не хочется.

— Тоже, небось, про себя думают: ну, и зав у нас! Безо всякой инициативы. Так я им инициативу покажу! Так я их прижучу!

Составил проектец и является к директору. Тот его сухо принял.

— Что вам, товарищ?

— Обдумал — Охлестышев говорит,—я вопросик один. Штаты сократить хочу.

Обрадовался директор.

— Вот это хорошо! Это называется режим экономии. Напишите докладик, назначим комиссию, обсудим.

И сразу работа живее пошла. Комиссия заседает, Охлестышев доклады пишет, сотрудники волнуются, директор даже и тот ожил, развеселился.

Через месяц штаты сократили. Половину служащих уволили.

И тогда заметил Охлестышев, что остальная половина с работой не справится. Пошел к директору на доклад.

— Я,—говорит,—думаю на временную работу нескольких служащих принять.

— Это хорошо,—отвечает директор.—Составьте проектец, а мы комиссию назначим, обсудим и решим.

Комиссию составили, обсудили и постановили:

— Принять несколько человек на временную работу.

Еще неделя прошла — видит Охлестышев, что временные всегда нужны, идет к директору.

— Я думаю временных на постоянную работу зачислить. Штат увеличить.

— Вот это хорошо,—отвечает директор,—мы обсудим.

Обсудили и постановили штат увеличить.

Две недели прошло, и видит Охлестышев, что народу у него в отделе слишком много. И личности все такие, неприятные.

— А не сократить ли, думает, штаты.

Пришел с докладом к директору. Директор говорит:

— Это хорошо!

Сократили. Только видит Охлестышев—с работой не справиться ему. Идет к директору:

— А не увеличить ли нам штаты?

*

Много-ль, мало-ль прошло. Пришел к директору другой директор. Сидят они в кабинете и рассуждают—кто у них из заведующих отделами самый хороший. Наш и говорит:

— А у меня из заведующих отделами самый хороший Охлестышев. Я уж не говорю, что он дельный, исполнительный и угодить всегда хочет—лоб готов расшибить. Главное в нем хорошее качество—инициатива. Деятельность умеет развивать. Вот кого бы надо на более ответственное место выдвинуть.

А Охлестышев слушает у дверей и радуется. Не стерпел, дверь раскрыл.

— А я,—говорит,—к вам с проектцем. Не сократить ли нам штаты?

— Вот, видите,—говорит наш директор другому директору,—что за золотой человек!

Мухин.

ВИЛЫ В БОК

ПО СУЩЕСТВУ

Наконец-то поступило в редакцию настоящее предложение. Товарищ Кременской предлагает нижеследующее:

> Внести на обсуждение ЦИК и СНК СССР вопрос о признании «Крокодила» официальным органом и обязать, как таковой, к выписке во все советские, партийные, профсоюзные и прочие учреждения, а тем паче хозяйственные. Начиная с главы учреждения, давать, т. е., вернее, предложить читать под расписку всем завам, замам, помам и прочим всецело и полуответственным работникам. №№ журнала аккуратно подшивать и хранить, как настольный постоянный справочник,—зеркало отражения для одних и якорь спасения для других.
>
> Комплекты журнала за год обязать переплести с золотым тиснением и иметь в кабинетах всех завов и предов наподобие зерцала.

Дальше товарищ Кременской добавляет:

> Погрешности против режима экономии не будет, так как этот расход окупится тысячерицей.

Какое же тут нарушение режима экономии,— всего 55 копеек в месяц, товарищи!

РЕВЕЛИ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ТЫСЯЧ

Жадные ветры в г. Ростове-на-Дону! С одного Госторга слупили 35 тысяч:

> Более 35 тысяч рублей потратил Госторг на первичные организационные расходы по созданию проектов, договоров и оформлению постройки дома по ул. Фр. Энгельса, № 128. Полгода с лишним главный архитектор получал спецставку — 400 рублей в месяц, все планируя да согласовывая, а в конечном итоге выяснилась нецелесообразность постройки. Все договора, планы пошли на смарку, а денежки пришлось списать в убыток. Рабкор, приславший нам эту заметку, заканчивает ее очень печально:
>
> — «Итак, плакали, плакали госторговские денежки».

А Госторгу начхать. Впервые, что-ли, у него деньги слезами обливаются. Подумаешь!

Эх, раз, еще раз, еще много, много раз!

ПРО УМНЫХ ЛЮДЕЙ

Из Тотьмы, Вологодской губернии пишут:

> Медицинский персонал в деревне получает и без того нищенское жалованье, а тут кто-то еще додумался вычитать из жалования стоимость его пересылки.

Недаром один больной вологодский фельдшер на вопрос: «на что он жалуется?», ответил: «больше всего на идиотов». Интересно—кого это он имел ввиду?

МЯГКАЯ МЕБЕЛЬ И ТВЕРДЫЙ ХАРАКТЕР

Пример того, какое значение имеет окружающая «обстановка».

> Ячейка московской таможни имела небольшое, но уютное помещение, где в числе мебели находился мягкий диван. Новый управляющий Островский усмотрел в мягком диване признак буржуазности и велел вынести его в кладовую, а на место дивана поставить скамейку.

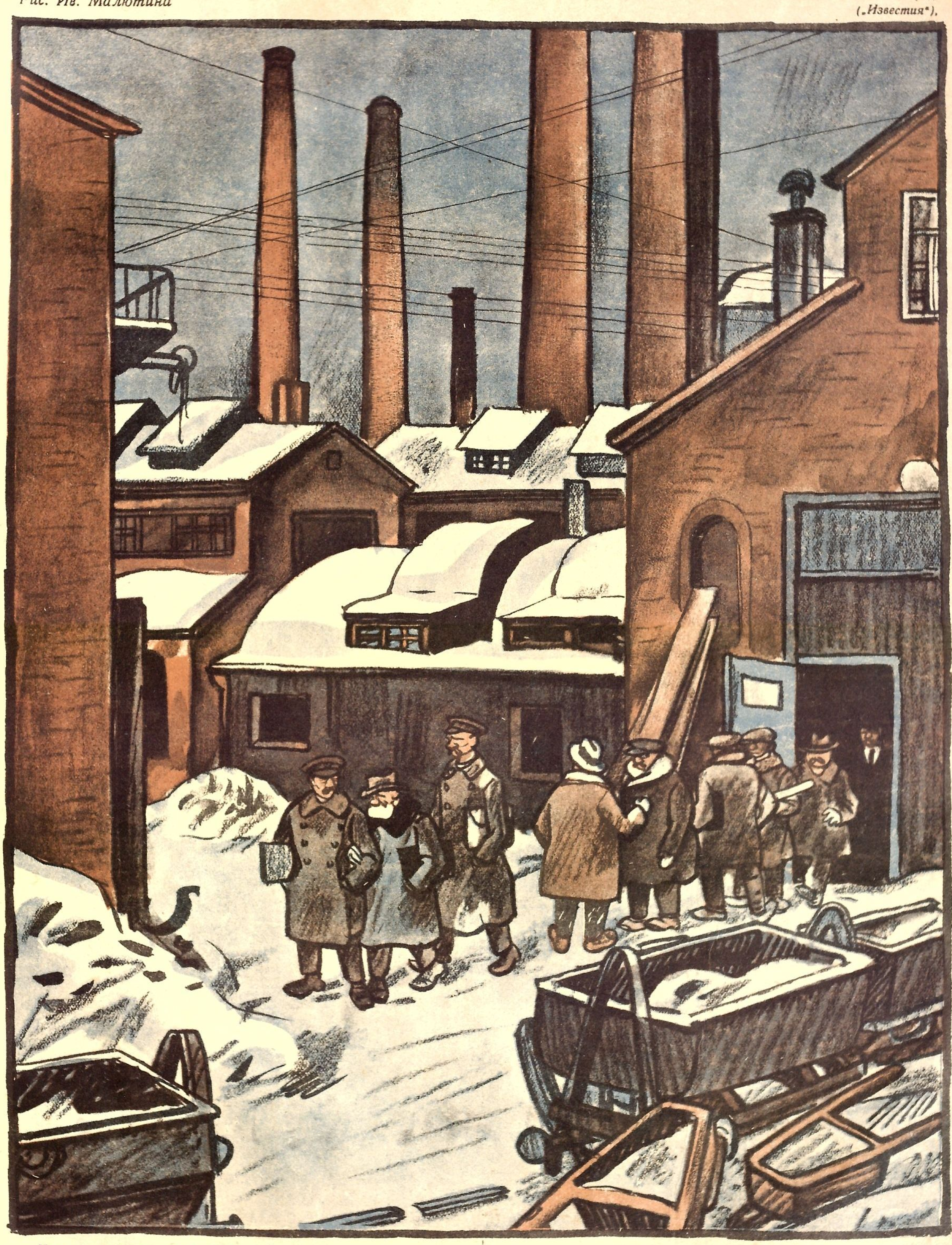
Правильно! Долой признак разложения! Потому на простой скамейке разве можно так «разложиться», как на мягком диване? Да ни в жисть! А вы говорите...

РАБОТА—НА ПОКАЗ

Бывали случаи, когда на заводы одновременно приезжали сразу несколько обследовательских комиссий. Для приема этих комиссий выделялся специальный «штат показывателей» и устанавливались очереди.

(„Известия“).

Рис. Ив. Малютина

— Что-то работа у вас затихла?
— А это потому, что у нас завод -- показательный: все ходим да показываем, а работать-то и некогда.

В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ!

Увлечение фордизмом принимает иногда странные формы:

> Правление комбината «Древспичпрома» для переброски локомобиля в станицу Нижегородскую из г. Майкопа наняло вместо лошадей четыре трактора «Фордзон» за 1.200 рублей. В виду исключительно скверного состояния дорог один из «Фордзонов» разбился, а остальные на 3 недели застряли в грязи. Локомобиль мог быть свободно доставлен четырьмя лошадьми, и стоило бы это 400 рублей.

Правление «Древспичпрома», само того не ведая, могло нанести смертельный удар международному капиталу: старика Форда хватил бы, наверное, карачун, если бы он узнал, как обращаются с его «детищем».

ЗАГАДОЧНЫЙ ПРОТОКОЛ

Выписка из протокола заседания правления Всероссийского союза молочной кооперации (Маслоцентр) № 82:

Слушали:	*Постановили:*
1. О болезни М. К. Полякова	*1. Просить И. Я. Врачева следить за ходом болезни и организацией лечения, а также выяснить вопрос с тем, чтобы, в случае надобности, отпустить за счет правления Маслоцентра необходимую сумму денег на лечение Полякова.*
2. Заявление инструктора - бухгалтера Мукосеева о выдаче пособия для лечения	*2. Отказать.*

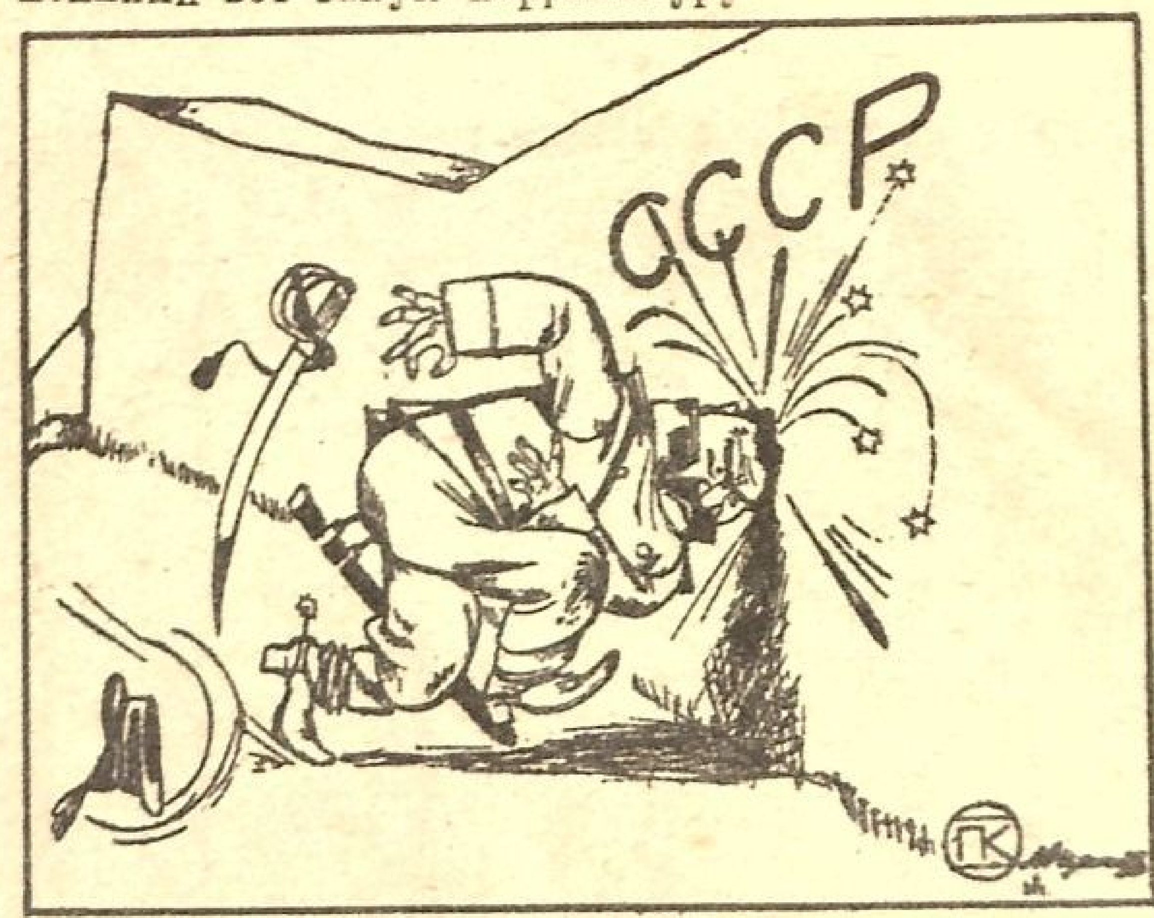
Товарищ, приславший этот протокол, пишет:

> «Я не знаю мотивировок обоих постановлений и думаю, что «Крокодил» в данном случае лучше разберется и оценит эти постановления».

Чудак вы, товарищ! Мотивировок-то никто не знает, а вот, нет ли у Полякова в правлении брата родного или дяди? Этого вы не знаете?!?

САМИ СЕБЯ ВЫСЕКЛИ

Газета «Кузбас» в № 293 печатает с об'яснениями вот такую карикатуру:

«ОТСТУПЛЕНИЕ В МОСКВУ».

> Вот та самая карикатура из английской буржуазной газетки «Дэли Экспресс», о которой говорил представитель английских горняков т. Кук в конце своей речи на 7 с'езде профсоюзов, в Москве, 6 декабря. Ярко и верно ответил Кук на этот выпад торжествующей буржуазии:
>
> «Очевидно, они не понимают, что мы отступаем в Москву, чтобы приобрести новые силы, новое вдохновение, новые надежды для дальнейшего боя».
>
> Едва ли ожидала желтая газетка, что, вместо язвительного выпада, она, неожиданно для самой себя, даст нам свидетельство братской дружбы английского и советского рабочих классов.

Как видите, изображен здесь Пилсудский, разбивающий свою башку о СССР...

Едва ли ожидала газета «Кузбас», что, вместо язвительного выпада против англичан, она, неожиданно для самой себя, даст нам свидетельство недоброжелательного отношения собственного редактора к читателям!

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ

К перевыборам фабзавкомов:

> На мельнице № 33 Акционерного о-ва «Хлебопродукт» в гор. Балашове, Саратовской губ., освободились 2 квартиры. Двое рабочих из производства явились к председателю фабкома Филатьеву с просьбой похлопотать перед администрацией о предоставлении им квартир, как нуждающимся. Филатьев обещал похлопотать и, действительно, выхлопотал... одну квартиру себе, а другую зав. заготпунктом.

Вот предфабкома, для которого, действительно, интересы рабочих—его интересы.

ЕСТЬ ЕЩЕ ЗАБОТЛИВЫЕ ЛЮДИ В ДАГЕСТАНЕ

Иногда говорят и даже в газетах пишут, что просвещенцам-учителям уделяют мало внимания.

— А Буйнакский район? — отвечаем мы. Посудите сами.

> «Всем зав. городскими школами и дет. учреждениями: Наркомпросом ДССР издается на тюркском языке педагогический научно-популярный и общественно-политический журнал «Моариф Юлы». ...Поэтому ОНО, учитывая жизненную необходимость в журнале для работников просвещения национальн. школ, изб-читален и др. учреждений, коим журнал в их ежедневной работе должен служить настольной книгой и руководителем в работе, предлагает всем работникам указанных выше учреждений и заведений в порядке обязательности состоять подписчиками журнала «Моариф Юлы».
>
> Плата за журнал будет взыскиваться с учителей сельшкол, избачей в РайОНО при выдаче жалования.
>
> В случае отказа от подписки со стороны некоторых работников, о них будет сообщено в НКПрос для принятия соответствующих мер воздействия, применение коих было бы совершенно нежелательным».
>
> **ЗАВ РАЙОНО (Темирханов).**

Вот это — сердечное попечение!

О ШКУРЕ

Рис. Ю. Ганфа

СПЕКУЛЯНТ: — Я купил тебе на манто 30 шкурок.

РАБОЧИЙ *(соседу)*: — Это, ежели по семь шкур с покупателя, выходит, что он ободрал 4 и $^2/_7$ человека.

ФОРМАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Рис. М. Храпковского

Подсчитано, что в Р. С. Ф. С. Р. имеется 30 000 волков. За год ими уничтожено крестьянского скота на 15 миллионов рублей. Статистика то есть, а борьба с волками ведется слабо

— Идем, серый, там на гумне корова есть. Жи-ирная! Закусим.
— Не могу, братишки. Я же еще не зарегистрирован.

Издательство „Рабочей Газеты"—Москва, Тверская, 3. Ответственный редактор Н. И. Смирнов.

Главлит № 77295. Типография „Рабочей Газеты", Москва, Сущевский вал, д. 63. Тираж 175.000.

РЕДКОЕ СОЧУВСТВИЕ

Рис. Ю. Ганфа

КРОКОДИЛ *(выдвиженке)*. — Эх, милая! Нигде тебе ходу не дают. Даже у меня в журнале задвинули тебя на последнюю страницу. А все потому, что у меня в редакции одни мужики работают.